

У греческого «агапе» – «любовь» – на греческом языке выделяют до восьми смыслов и оттенков. От величайшей страсти до постоянного беспокойства и озабоченности за людей. Тревоги молитвенной (монаха) за всех людей мира. А что значит слово «счастье»? Что означает это слово?

У слова «счастье» выделяют лишь два значения. Существительное «счастье» – сопрягают: по семантике – с чувством или состоянием высшей радости, высшего удовлетворения. Переживания радости от удачного, скорее даже неожиданного, случая. И второе. Счастье – как сама удача, успех, ведущий к материальному и иному благополучию. Во всех этих объяснениях нет главного. «Везенье» – вовсе не означает счастья. «С-частье», на мой взгляд, – означает быть всегда с частью. Частью чего-то целого. «Быть с частью». С частью – чего же или кого же? Этот вопрос и решительный ответ на него лежит вовсе не в плоскости филологии. И словообразования. За ним стоит нечто большее, даже – огромное. Громада, мистически и незримо присутствующая в жизни каждого. Может быть, душа человеческая всего лишь часть чего-то или кого-то огромного, сродного с ней. Как свет от зеркала – всего лишь отсвет солнца. Счастье в нашем понимании, конечно, мгновенно. Впечатление от подаренной норковой шубки или кольца с бриллиантом. Или присуждение золотой медали на чемпионате. Человек стоит столько, сколько стоит его счастье. Когда я вспоминаю о том неожиданном счастье, что я пережил, душа моя наполняется всякий раз этим мистическим трепетом...

Так что же это за великая часть такая, сродственная душе человеческой, и не есть ли и она в свою очередь только часть чего-то необъятного, немыслимого, сродного в свою очередь с ней самой? Часть входит в часть, как сфера в сферу. Часть некой силы великой и великого пространства. Часть бытия или солнца. Времени и силы...

Кто-то ждёт иного счастья, полагая его – или в семье, или в заботе. Или в работе. Кто-то считает счастьем выплаченный (наконец-то) кредит. Один всемирно признанный писатель, всеми уважаемый и ценимый, признался на смертном одре, что отдал бы все свои писания за то, чтобы при жизни быть уверенным, что есть на свете хоть один человек, которому не безразлично, «опоздал ли ты к обеду». Но однажды в жизни я испытал потрясение. И только счастье спасло меня. В тот вечер все рамки бытия сдвинулись для меня и переместились – в один миг.

Это случилось так. Поздним осенним вечером я бродил по селу. Ровесников нет, вся молодёжь уехала. Телевизор не смотрелся, в карты не игралось со стариками да старушками – невесело было

в деревне мне в этот мой приезд... «Да и что в этих картах, “одна прелесть”» (от слова леть), – как говорила моя богомольная старушка. Привяжутся, как семечки. И наскучат, и не бросишь. Или заводят разговор о такой старине, в которую уже и не верится. А что, вот именно так и было, голодно, неуютно, скорбно и беспросветно. Сначала заслушаешься, а спустя полчаса уже зеваешь от скуки... Да вот словечки эти местные, да ещё манера говорить таким языком, что нигде и ни в каком городе не встретишь. Но в тот день как-то особенно не заладилась моя игра и разговоры. Старики мои по три раза переспрашивали: «...так ведь это свои? Ты что, своими бьёшь?» (Свои – это козыри в колоде.) Своими они почему-то называли дорожную для них масть. Привыкшие постоянно экономить и сдерживать свой ресурс, они так же неохотно расставались с этими козырями. Со «своими»! Так экономно и скаречно пускали их в игру, что я вконец заскучал, стал проигрывать, а, проиграв сряду раза четыре, вышел на улицу едва ли не в отчаянии: ну что за жизнь, унылая, серая, решительно нечем заняться!

Над крышами висела полная печальная луна, но было ещё светло и как-то не по себе от этого лунного света, какого-то потустороннего. Густые тени высоких тополей рассеивала лампочка, висевшая высоко на столбе и светившая слабым жёлтым неверным светом. Освещала она дальний конный двор, баз и колодец с журавлём. Журавль торчал вверх как огромная одинокая удочка.

Из-за крайнего дома со стороны полевой дороги навстречу мне выбежала собака, за ней шёл наш сосед, дядя Ваня, заядлый охотник и большой бездельник, с ружьём за плечами. Он подошёл, отогнал собаку. Потом стал что-то спрашивать про деда, чем, дескать, занят. И, закурив, стал вышучивать и меня:

– Чего приехал, чего один?.. «Дело пытаем, или от дела лытаем?»

Я, уловив его тон, отвечал:

– И то и другое...

– Всё учишься? – зубоскалил охотник. – Выучишься, меня не забудь, в Москву заberi. На Белокаменную хочу поглядеть. Теперь вот говорят, что только в Москве и жизнь. А тут какая жизнь, прозябание. В городе жизнь гораздо содержательнее, там – где пивка попьёшь, тут винца... Жирует теперь только Москва, на неё только все узлы и завязаны... Ничему ваша Москва не верит, даже слезам, по пословице. А тут что, глухомань, тьфу...

– Да... – поддержал я, – запустенье тут, дикость.

– Тут дикость, а там бой. Всё время будь начеку, воюй. Что-то отстаивай. Так тоже нелегко. Москва бьёт с носка... Но жизнь содержательней.

– Если на счёт пива и винца, то да, – поддел его я. Он даже и не заметил.

– Как так, а луна? Вон какая! – продолжал я шутить. – Такой в столицах не сыщешь.

– Разве что, – отвечал он грустно, пуская густой дым.

А я всё поглядывал на его ружьё, торчавшее за его плечами. Эх, вот так бы погонять ветер с ружьём. Пострелять да походить, поохотиться самому. Если пулей «спутник» зарядить патроны, пожалуй, что и кабана завалить можно. И лося.

– «С отрадной грустью внемлю я, как ветер гулом однотонным гудит-поёт в стволы ружья»...

– Чего-чего? – не понял он. И, помолчав подольше, для пушей важности продолжал: – Ты в своей Москве луну-то видел? А тут вот она – луна, потрогать можно...

– Там за небоскрёбами её не видать у нас.

Но, перехватив мой взгляд на ружьё, уловил наитием моё настроение, – и то, что я не склонен теперь зубоскалить, удерживая этот обычный тон превосходства деревенского жителя, – спохватился и продолжал миролюбиво:

– Надолго к деду прикатил? Нравится ружьё-то? Знатное ружьишко. Твой дед в девяностые-то променял ружьё на ящик махры у заезжих полковников. Ох, и страдал твой дед без курева-то. А они и рады.

– Да, на два денька приехал, – отвечал я нехотя. – А что, у деда ружьё было? Что-то не помню. Зря и приехал. Скука тут, тоска зелёная. На улице ни души, вымерли.

– Вымерли и есть. Вымерли да поразъехались. Раньше что было! У-у-у-о, улей. А теперь нету. Да, молодёжи нету, скучновато. А я привык. Фермерствую. Денёк выпросил у жены поохотиться. Один день убил, больше ничего. И ружьё собираюсь купить ещё одно. Это-то хоть и старовато, а тоже не погонялка, ха-ха... Смотри, длина ствола. Сантиметров на двадцать больше новых твоих, а?.. Теперь такие уже не выпускают. Было дело, с дедом твоим ходили по уткам. Я их во-он

откуда доставал, с облаков. Дальность и сила у ружья – сказка. Ты не смотри, что старенькое, бьёт – только держись! А твой дед ходил последнее время всё неудачно, мазал, может, оттого и променял ружьецо, не знаю. А это – вона! Без промаха бьёт...

Зная про себя, какой он «фермер», «шалтай-болтай», болтун и «брехло» – как говаривал мой дед, – «а когда никто кроме не слышит – “фермер”». Я всё же сделал вид, что мне с ним интересно, что он уважает. Похвалил ружьецо.

– Дай-ка, я гляну, – попросил я.

– На, полюбуйся на «богачество»... Думаю, «Магнум» купить или «Беретту»... «Сайга» теперь тоже, говорят, неплоха. Есть восьмизарядная «Сайга», очередями стреляет, тоже ничего... Но это дорогое оружие, раритет. Деньги-то есть, конечно, у меня, я же фермерствую помаленьку... А эту – продам. Но дорого. Желających полно, если кто понимает. Вот хоть тебе. Глянь, примерься, сколько дашь, так, навскидку? А не возьмёшь, на следующий год уж отдам другому, знаю кому, за милую душу! Возьми-ка, может, это твоё ружьё. Ружьё – оно как нож хороший – сами себе хозяина ищут. Это на Кавказе хорошо знают, а я там бывал не раз.

Он ещё что-то говорил, но я уже не запомнил.

Дядя Ваня снял ружьё с плеча. Я взял одностволку, повертел её и так и сяк в руках, стараясь не слушать трепотню «охотника», – и не нашёл в ней ни изъянов, ни достоинств... Так себе. Как раз в эту минуту, гремя ведрами, к колодцу с журавлём шла тётя Маня, соседка. Я заглянул в прицел. Заскрипел журавль с утяжелителем. Убого, почти ломаясь от противовеса, потащил журавль наверх ведро. Я навёл мушку. Палец тронул и удобно лёг на спусковой крючок, в эту его кривую и тайную излучину, такую тонкую, палец лёг в неё идеально... Приклад упёр в плечо потуже, удобно, – как если бы и впрямь стрелял «спутником» по кабану усиленным пороховым зарядом. Упор, чтобы не было отдачи... И когда я совместил мушку с целиком, в голове моей как бы сама собой возникла фраза: «В людей целятся только злодеи». И в то же время другой голос, отчётливо шептал: «Жми, нажимай. Главное – не думай... Не давай себе думать...»

Я поднял ружьё, перевёл дуло и прицелился в слабо коптящую жёлтую лампочку на столбе. Потом, всё ещё балуясь, навёл на Маню, потом опять на лампочку. Нажал на спусковой крючок. И вдруг грохнул выстрел. Лампочка разлетелась вдребезги, засвистели, закачались электрические провода. Собака из ближнего двора подняла лай. Потом все собаки с округи стали ей вторить, брехать и визжать. Поднялся такой гам, закричали издали какие-то люди. Дядя Ваня тоже что-то кричал мне, оглошшему от грома выстрела, и я вдруг отчётливо почувствовал, как от него понесло сивухой. Лицо его, кричащее мне губами, то отдалялось, то приближалось. Губы жили как бы отдельно от лица. А я стоял – ни жив ни мёртв, – слышал только, как гудят провода от ударившей в них дробы. Вместо сердца – комок глины. И в груди пустота, словно летишь в пропасть. Свинцовые руки, сухие губы.

– Ну, что молчишь, ай язык проглотил?

Я очнулся. Я не знал, что ружьё заряжено, а дяде Ване, верно, и в голову не пришло предупредить или, входя в жилой район, поставить замок на предохранитель, а того лучше – выбить патрон из патронника.

И что тут началось! Сыр-бор, да какой! На выстрел выбегали из ближайших домов. Шли-спешили люди. Повыскакивали собаки. Я так оторопел, что не допускал и мысли, что могло произойти, не переведи я мушку с человека на лампочку. И все почему-то ругали дядю Ваню: «Какое счастье, какое счастье, что не убил человека!» Я всё ещё был полуслепой и онемевший. Шатаясь, шёл к дому...

– Чего там? – спросил дед из завозни. – Ванька, что ли, охотник хренов, стреляет опять? Или надрался?

Я молча разделся и полез под бочку – холодный душ.

...И теперь, даже когда столько лет минуло со дня этого выстрела, теперь, когда прошло столько дней, в особенно трудные дни житейских невзгод, неудач, неурядиц, когда смыкается холодный круг отчаяния, – вдруг приходит это воспоминание: «А ведь я счастливый человек, я не убил человека...»

Да, не убил. А всё остальное – что бы это ни было и как бы оно ни случилось, – всё выеденного яйца не стоит.

И всё же иногда приходит догадка: какая часть этого огромного мира шепнула мне тогда: «Ведь ты не злодей. Человек не должен целиться в человека».